

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2019, №2, Том 11 / 2019, No 2, Vol 11 <https://esj.today/issue-2-2019.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/78ECVN219.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сизых Е.Ю. Прямые инвестиции Китая в экономике России: динамика, структура, факторы влияния // Вестник Евразийской науки, 2019 №2, <https://esj.today/PDF/78ECVN219.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sizykh E. Yu. (2019). Chinese direct investment in Russia: dynamics, structure, influence factors. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 2(11). Available at: <https://esj.today/PDF/78ECVN219.pdf> (in Russian)

УДК 339.9

ГРНТИ 06.51.51

Сизых Елена Юрьевна

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск, Россия

Аспирант кафедры «Мировой экономики и экономической безопасности»

Старший преподаватель кафедры «Языковой подготовки»

E-mail: sizykheu@gmail.com

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=913849

Прямые инвестиции Китая в экономике России: динамика, структура, факторы влияния

Аннотация. Наряду с закреплением статуса мировой торговой державы, Китай добился существенных успехов в сфере экспорта капитала: с 2012 г. Китай стабильно удерживает позиции в первой тройке мировых инвесторов, с 2015 г. занимает позицию нетто-экспортера прямых иностранных инвестиций. В 2017 г. Россия входит в 15 главных направлений инвестирования китайскими компаниями, замыкает первую десятку крупнейших партнеров Китая по показателю накопленных инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Вслед за увеличением потока прямых инвестиций из Китая, активизировалась риторика о значении усилившегося присутствия китайского капитала в России: прямые китайские инвестиции воспринимаются и в качестве возможности для модернизации российской экономики в условиях санкций, и в контексте угрозы национальной безопасности в связи с сопутствующими условиями, выдвигаемыми китайской стороной. Вне зависимости от принятой точки зрения, целесообразно выдвинуть вопрос о факторах, определяющих динамику объема и структуру распределения китайского капитала в России. Понимание мотивов китайских инвесторов облегчает выработку дальнейших мер, как по привлечению зарубежных инвестиций из Китая, так и по дальнейшему контролю китайского присутствия в экономике России. В статье проанализированы статистические данные прямых иностранных инвестиций из Китая в российскую экономику в 2003–2017 г., выявлена разнонаправленная динамика отраслевого распределения ПИИ Китая в мире и в России. На основании коэффициентов корреляции и вклада в суммарный коэффициент детерминации оценено влияние 9 возможных факторов на суммарный приток китайских инвестиций, опровергнута гипотеза о доминанте ресурсного фактора в определении интересов китайского инвестора в России. В заключении, автором обоснован вывод о превалировании фактора ВВП на душу населения в определении потоков китайского капитала в Россию, рассчитано уравнение их экспоненциальной зависимости.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; зарубежные инвестиции; экспорт капитала; Китай; Россия; факторы влияния; факторный анализ

Как свидетельствует практика, рост экономики Российской Федерации, основанный на эксплуатации ее природных ресурсов, позволявший стране удерживаться в числе глобальных лидеров вплоть до конца XX – начала XXI в., к настоящему моменту исчерпан [1, с. 9]. Системный кризис российской экономики усугубляется внешними вызовами, обусловленными резким падением цен на мировые энергоресурсы, а также санкционной политикой западных партнеров. В этих условиях активизируется поиск альтернативных источников поддержания экономического роста, к которым, безусловно, следует отнести *прямые иностранные инвестиции (ПИИ)* из – Китая. По состоянию на 2017 г. объем накопленных ПИИ в российскую экономику составил 13,9 млрд долл., что позволило России занять четвертое место в списке стран-реципиентов китайских инвестиций в Европе, а Китаю стать крупнейшим иностранным инвестором в экономику России. Учитывая значительные финансовые возможности Китая, а также положительную динамику двустороннего инвестиционного сотрудничества, исследование особенностей размещения китайского капитала в российской экономике приобретает особую актуальность. В данной работе мы сфокусировались на анализе динамики, отраслевой специфики, а также основных факторов, определяющих потоки ПИИ из Китая в Россию.

Обзор литературы

Исследованию факторов влияния ПИИ, посвящено множество работ, однако не существует универсальной модели, способной объяснить объем, динамику, перспективы потоков ПИИ безотносительно к специфике страны-донора и страны-реципиента. Достаточно подробно классификация факторов ПИИ и систематизация проведенных в этой области исследований представлена в работе [2], в ней же авторы на основании построенной модели множественной регрессии описывают влияние таких факторов, как ВВП на душу населения, чистый экспорт, инфляция, количество интернет-пользователей, индекс человеческого капитала и количества выпускников ВУЗов, на объем привлеченных зарубежных инвестиций в развивающиеся страны.

Исследования мотивов и характера вывоза китайских ПИИ имеют сравнительно небольшую историю, и на начальном этапе, главным образом, носят дескриптивный характер [3; 4]. Позже, по мере накопления статистической информации, появляется все больше эмпирических исследований с применением классических методов статистического и регрессионного анализа агрегированных данных [5], а также исследований микроэкономического характера, в т. ч. в формате case-study китайских ТНК [6]. В [7] на основе анализа деятельности ведущих китайских ТНК, мотивы китайских инвесторов сгруппированы согласно широко используемой мировой классификации (доступ к ресурсам, расширение рынка, доступ к технологиям, диверсификация, доступ к стратегическим активам) с выделением специфических черт, присущих китайскому инвестору. В рамках гравитационной модели [8] была выявлена отрицательная корреляция между объемом китайских ПИИ и расстоянием до принимающей страны, при оценке объема накопленных ПИИ такая закономерность не была выявлена. В [9] доказано, что на китайского инвестора значительное влияние оказывают такие факторы, как объемы экспорта из Китая, ВВП на душу населения, темп роста ВВП, ресурсообеспеченность и открытость экономики.

Значительная часть исследований освящает современное состояние и перспективы ПИИ Китая в России с позиций анализа отраслевого распределения, существующих форм сотрудничества, а также возможностей и угроз для российской экономики. Исследования мезо- и макроэкономического влияния конкретных инвестиционных проектов с китайским участием сконцентрированы, главным образом, в плоскости добывающих отраслей [10] электроэнергетики [11; 12], транспортной инфраструктуры [12; 13], автомобильной

промышленности [10; 12], сельского хозяйства [14]. К числу возможностей для российской экономики авторы традиционно относят благоприятное влияние на рынок труда, развитие смежных отраслей (в т.ч. использование оборудования российского производства), технологическое сотрудничество, привлечение местных подрядных организаций. К числу потенциальных угроз исследователи относят попадание в технологическую и финансовую зависимость от КНР, закрепление за Россией статуса поставщика ресурсов для Китая, усиление присутствия интересов Китая в арктических районах Северного морского пути (СМП) России [15, с. 133], несоблюдение норм трудового законодательства на некоторых китайских предприятиях [12] и др. Отмечается, что двусторонние отношения не всегда подкрепляются эффективным и взаимовыгодным экономическим сотрудничеством [16, с. 65].

Ряд авторов исследуют потоки ПИИ из Китая в разрезе приграничного и регионального взаимодействия. К примеру, отмечается определенный конфликт китайских и российских интересов: для китайской стороны интерес представляет географическая диверсификация поставок сырьевых товаров и сбыт готовой продукции на российском рынке, для российской – глубокая переработка сырья на территории восточных регионов [17, с. 174]. К числу проблем приграничного сотрудничества также относят дефицит финансирования с российской стороны, в т.ч. связанный с перераспределением бюджетных субсидий в пользу республики Крым, противоречивость деятельности российских ведомственных структур, непродуманный характер по сути провалившейся «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.» [18; 19].

Учитывая территориальный масштаб России, особенно следует отметить результаты исследований факторов регионального распределения прямых китайских инвестиций в российскую экономику. Эмпирический и теоретический анализ инвестиционной привлекательности регионов России отражен в работах, к примеру [20; 21]. Систематизация работ в данной отрасли представлена в [22]. На основе многофакторного регрессионного анализа [23] подтверждается гравитационная теорию распределения ПИИ в российских регионах: доказано, что зарубежные китайские инвестиции в значительной степени располагаются в близлежащих к Китаю регионах. В работе также находит отражение «мотив соседства» китайского инвестора. Кроме того, обосновывается точка зрения, что Китай инвестирует и торгует с близлежащими регионами России, но делит их на две совокупности – для целей торговли и для целей прямых инвестиций [23]. Подтверждаются следующие, в некоторой степени противоречивые, гипотезы:

- а) приток ПИИ из Китая в российские регионы, рассматриваемые в целом, сопровождается сокращением объемов их экспорта в Китай и импорта из Китая;
- б) приток ПИИ конкретно в добывающие отрасли приграничных регионов России способствует росту объемов экспорта этих регионов в Китай [24].

Вслед за оглашением инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), значительное количество исследований освящает вопрос присутствия китайского капитала с позиций участия России в глобальном проекте КНР. Отмечаются такие геополитические и экономические возможности России, как развитие регионального сотрудничества в основном по сценарию двусторонних соглашений, углубление интеграции в трансевразийское пространство, модернизация транспортной инфраструктуры, повышение инвестиционной привлекательности [25; 26], а также угрозы, возникающие в результате сопряжения ОПОП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в том числе дальнейшее ослабление позиций России в средней Азии, утрата значения Транссибирской железной дороги, снижение объема инвестиций в энергетический сектор вследствие конкуренции со странами Средней Азии [13]. С этих позиций политику ПИИ Китая в России можно рассматривать как часть глобальной геополитической стратегии, согласно которой Китай вкладывает основные средства в

энергетику, сырьевые отрасли, сферу услуг, обрабатывающую промышленность, телекоммуникации и недвижимость, совмещая достижение экономических целей по вхождению своего капитала в экономику других стран с геополитическим расчетом превращения Китая во вторую глобальную державу [25, с. 6].

Динамика и отраслевое распределение прямых китайских инвестиций в экономике России

В последнее время дискуссия относительно китайских ПИИ в России ведется в нескольких аспектах: во-первых, отмечается повышение роли КНР, как мирового инвестора. Начиная с 2012 г. Китай стабильно входит в первую тройку мировых стран-доноров ПИИ, с 2015 г. занимает позицию нетто-экспортера капитала. В этой связи закономерно возникает вопрос о месте России в масштабном потоке китайских инвестиций. Как видно из рис. 1, к 2017 г. объем накопленных ПИИ из Китая составил порядка 13,9 млрд долл., т. е. в 2,2 раза больше, чем в 2007 г. согласно китайской статистике.

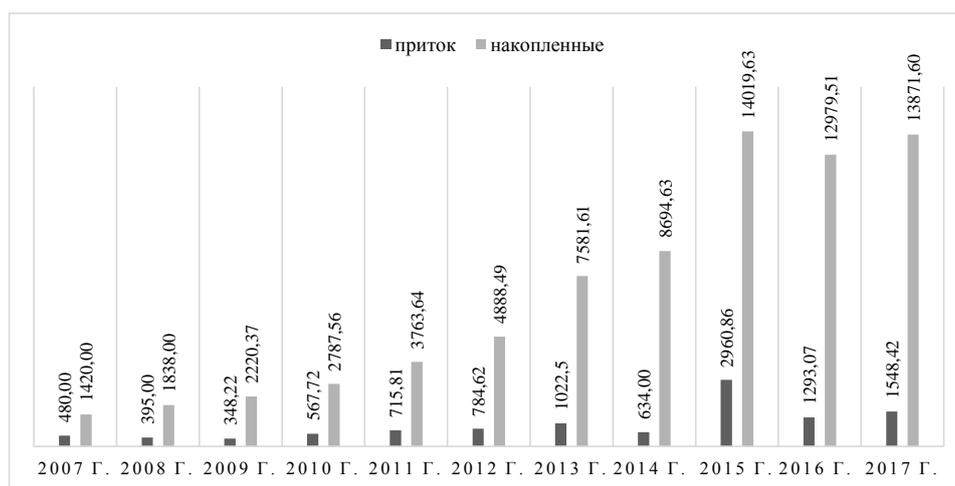

Рисунок 1. Динамика притока и накопленных прямых инвестиций из Китая в Россию в 2007–2017 г., млн долл. (источник: составлено автором по материалам *Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment (2017)*¹)

Однако, данные показатели выглядят не так оптимистично в общей структуре зарубежных китайских инвестиций: в 2017 г., доля притока ПИИ в Россию составила всего 1 %, доля накопленных порядка 0,8 % от общемирового показателя. Также следует отметить, нестабильный характер потока китайских инвестиций в Россию – за 10 лет при среднем значении ежегодных объемов притока в 977,1 млрд долл., стандартное отклонение составило 757,5 млн долл. Тем не менее, средний десятилетний темп прироста менее волатильного показателя – накопленных ПИИ, составил 19,4 %, что свидетельствует о наличии стабильного интереса со стороны китайских партнеров.

Во-вторых, существует риторика по поводу фактора «китайского присутствия» на территории РФ. С одной стороны, отмечается роль Китая, как одного главного источника прямых инвестиций в экономику России в условиях санкций. На Китай возлагаются значительные надежды, связанные с модернизацией экономики страны и, в частности, регионов Сибири и Дальнего Востока. Экономическая конъюнктура на рынке энергоносителей, системный кризис российской экономики, осложняющийся политическими разногласиями с

¹ <http://hzs.mofcom.gov.cn/article/date/>.

основными западными партнерами, способствуют поиску новых источников стимулирования экономического роста, а заявленный российскими властями «Поворот на Восток», в первую очередь учитывает стратегическую важность «китайского» вектора развития [26, с. 109].

С другой стороны, ряд авторов отмечают потенциальный риск попадания России в технологическую и финансовую зависимость от Китая, поскольку зачастую финансирование проектов китайской стороной сопровождается рядом дополнительных условий по использованию китайского оборудования, китайских технологий, китайской рабочей силы и/или частичным контролем над создаваемым объектом.

Тем не менее, перспективы выглядят достаточно оптимистично: вызванная необходимостью оптимизации распределения ресурсов в условиях смешанной экономики [27, с. 565] тенденция масштабного вывоза производственных мощностей из Китая получила концептуальные обоснования и была закреплена в основных постулатах стратегии «Выхода во вне», глобальной инициативы «Один пояс, один путь», что свидетельствует о ее долгосрочном характере. Однако, при растущем объеме инвестиций Китая в обрабатывающую промышленность с высокой добавленной стоимостью, сферу услуг и соответствующем спаде вплоть до отрицательных значений инвестирования в добывающие отрасли (см. рис. 2), ситуация в России развивается по совершенно противоположному сценарию (см. рис. 3).

Более того, за 10 лет удельный вес добывающего сектора в структуре китайских зарубежных инвестиций в России повысилась с 10 % в 2007 г. до 48 % в 2017 г. (см. рис. 4, 5), что более свидетельствует скорее о закреплении сырьевого якоря, чем об оптимизации отраслевого распределения китайских ПИИ.

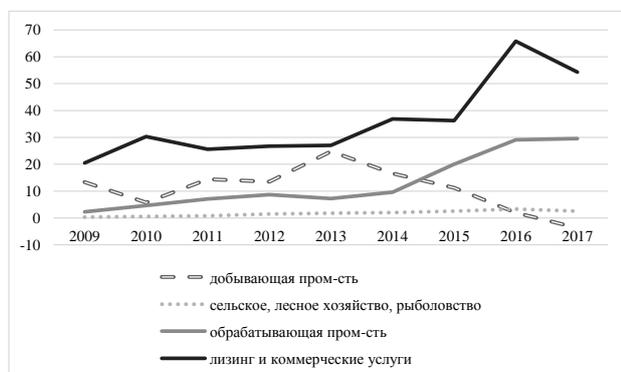

Рисунок 2. Динамика притока прямых инвестиций из Китая в Россию по отраслям, млн долл.

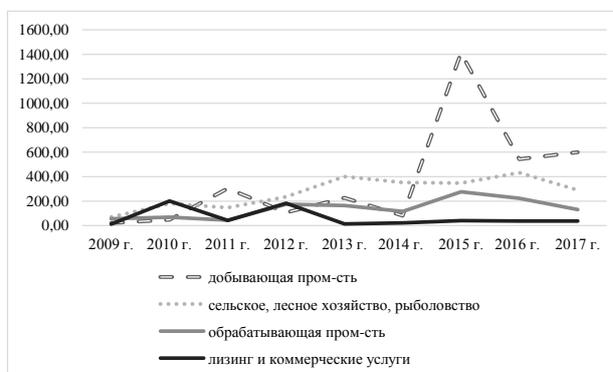

Рисунок 3. Динамика притока прямых инвестиций из Китая в мире по отраслям, млрд долл.

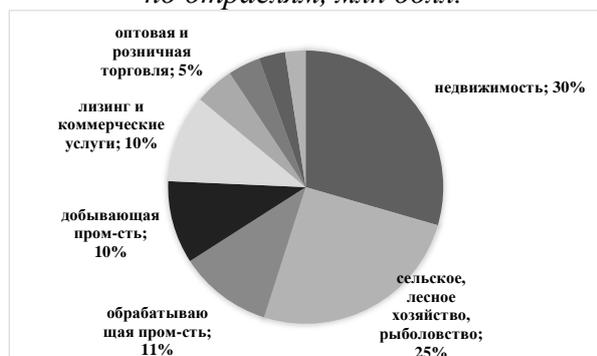

Рисунок 4. Отраслевая структура накопленных в России прямых инвестиций из Китая в 2007 г., %

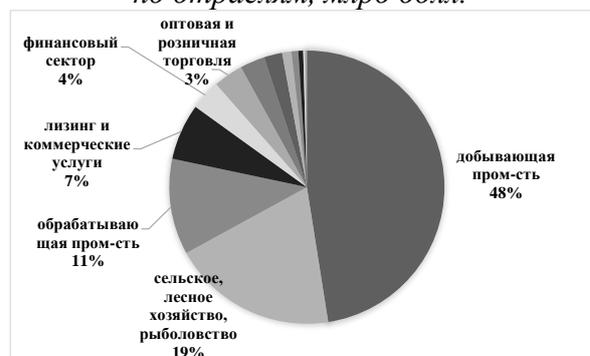

Рисунок 5. Отраслевая структура накопленных в России прямых инвестиций из Китая в 2017 г., %

(источник: составлено автором по материалам Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment (2007, 2017)¹)

Безусловно, за последние несколько лет появился ряд крупных инфраструктурных проектов, а также проектов в сфере автомобилестроения, авиастроения, гидроэнергетики, гелиоэнергетики, сельского хозяйства. Тем не менее, очевидно наличие двух основных проблем российско-китайского инвестиционного сотрудничества: с количественной стороны, это слабое использование возможностей привлечения китайского капитала; с точки зрения качественных характеристик, структура распределения ПИИ из Китая по-прежнему не способствует решению задач правительства России по модернизации экономики с упором на инновационный компонент.

Таким образом, во-первых, возникает вопрос о причинах несоответствия качества российско-китайского инвестиционного сотрудничества высокому уровню двустороннего политического взаимодействия, которое мы можем наблюдать в настоящее время; во-вторых, обозначена проблема концентрации интересов китайского инвестора в России, главным образом, в добывающей промышленности, а также в отраслях неглубокой переработки. В этой связи целесообразно проанализировать те факторы, которые теоретически могут оказать влияние на объем китайских инвестиций в Россию с тем, чтобы проверить гипотезу о доминирующей роли «ресурсного фактора» в российско-китайском инвестиционном сотрудничестве.

Материалы и методы исследования

Условно факторы привлечения ПИИ можно разделить на несколько групп: классические факторы макроэкономического развития (объем ВВП, ВВП на душу населения, темп роста ВВП, инфляция, открытость экономики (внешнеторговая квота), развитие транспортной инфраструктуры); показатели степени институционального развития страны (уровень коррупции, прозрачность законов, эффективность государственного управления, политическая стабильность, уровень развития финансовых институтов), качественные характеристики населения (уровень образования, квалификации рабочей силы, индекс развития человеческого капитала), показатели уровня инновационного развития (расходы на НИОКР, количество зарегистрированных патентов и т. д.), географические факторы (расстояние между страной-донором и страной-реципиентом, наличие выхода к морю, климат) и др.

Исходя из логики существующих исследований, а также результатов отраслевого распределения китайских инвестиций в России, для анализа зависимой переменной – ежегодного объема ПИИ, поступающих в экономику России из КНР, были отобраны следующие факторы: макроэкономические показатели, отражающие совокупный процесс экономического развития (GDPgrowth), состояние рынка рабочей силы (Workforce), покупательную способность внутреннего рынка (GDPpercap), торговые связи России и КНР (Import, Export), уровень глобальной конкурентоспособности (Competiveness), уровень восприятия коррупции (Corruption), ресурсную зависимость экономики (Resource) и зависимость ВВП от притока ПИИ (FDIshare) в России. Первоначальный набор факторов, их описание и источник данных представлены в таблице 1.

Для каждой переменной был составлен временной ряд из 15 годичных наблюдений, соответствующий периоду 2003–2017 гг. В целях сохранения однородности выборки, все показатели кроме GDPgrowth, который в рассматриваемом временном отрезке несколько раз принимает отрицательные значения, были прологарифмированы. После предварительного графического анализа, в качестве метода исследования была выбрана линейная модель множественной регрессии с последующей оценкой параметров методом наименьших квадратов.

Таблица 1

Описание переменных модели

Код переменной	Описание, размерность	Источник
Y	Ежегодный приток прямых китайских инвестиций в Россию, млн долл. США	Ежегодный статистический бюллетень по учету прямых зарубежных инвестиций Китая (публикуется совместно Национальным бюро статистики, Министерством торговли и Управлением валютного регулирования и валютного контроля КНР)
GDPpercap	ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, долл. США	База данных Всемирного банка
GDPgrowth	Годовой темп роста ВВП, %	База данных Всемирного банка
FDIshare	Доля прямых иностранных инвестиций в ВВП, %	База данных Всемирного банка
Workforce	Рабочая сила, млн чел.	База данных Всемирного банка
Import	Импорт из Китая, млрд долл.	Национальное бюро статистики КНР
Export	Экспорт в Китай, млрд долл.	Национальное бюро статистики КНР
Resource	Доход от продажи природных ресурсов, % ВВП	База данных Всемирного банка
Competiveness	Индекс глобальной конкурентоспособности	Ежегодно публикуемый отчет по уровню глобальной конкурентоспособности стран (Мировой экономический форум)
Corruption	Индекс уровня восприятия коррупции	Сабиндекс агрегированного показателя уровня восприятия эффективности государственного управления, ежегодно публикуемый отчет Всемирного Банка

Источник: составлено автором

Обсуждение результатов исследования

После проведения соответствующих преобразований, первоначальное уравнение множественной регрессии приняло вид:

$$Y = a + b1*GDPpercap + b2*GDPgrowth + b3*FDIshare + b4*Workforce + b5*Import + b6*Export + b7*Resource + b8*Competiveness + b9*Corruption \quad (1)$$

Для оценки качества исходной модели был проведен ряд тестов, результаты которых представлены в табл. 2.

Таблица 2

Анализ качества регрессионной модели

Оценка коэффициентов регрессии			
Переменная	Значение коэффициента	t-статистика	p – значение
Constanta ***	-261,970	-3,423	0,0057
GDPpercap***	27,2664	3,446	0,0055
Import**	-3,3603	-2,352	0,0384
Corruption**	2,02365	2,346	0,0387
Проверка адекватности модели			
Критерий	Значение	Интерпретация	
R2	0,8864	Высокое значение коэффициента детерминации	
Критерий Фишера (F)	F(3,11) = 28,62 (p = 0,000017)	Уравнение регрессии значимо	
Тест на наличие автокорреляции до порядка 2	LMF = 0,4213 (p = 0,668)	Автокорреляция отсутствует	

Проверка адекватности модели		
Критерий	Критерий	Критерий
Тест Вайта на гетероскедастичность	LM = 11,6309 (p = 0,2349)	Гетероскедастичность отсутствует
Тест на нормальное распределение остатков	Хи-квадрат(2) = 2,8557 (p = 0,3944)	Остатки распределены по нормальному закону
Средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE)	5,1 %	Модель имеет высокий прогнозный потенциал

Источник: составлено автором с использованием пакета Gretl

Анализ качества модели показал, что из 9 переменных модели (1) статистически значимы оказались только три, не считая константу, коэффициенты при факторах Import и Corruption значимы при уровне погрешности 5 %, константа и GDPpercap – при уровне 1 %. Построенная модель имеет высокую объяснительную способность, о чем свидетельствует коэффициент детерминации, равный 87,3 %, средняя процентная ошибка аппроксимации составляет чуть более 5 %. После проведения соответствующих преобразований итоговое уравнение принимает вид:

$$Y = -245,1 + 25,85 \cdot \text{GDPpercap} - 3,03 \cdot \text{Import} + 0,11 \cdot \text{Corruption} \quad (2)$$

Тем не менее, мы не можем до конца принять эту зависимость, поскольку показатели Импорта РФ и ВВП на душу населения имеют сильную корреляционную связь, что может в значительной степени отразиться на качестве модели.

Проанализировав долю каждого из исследуемых факторов в результирующем коэффициенте детерминации R², мы обнаружили, что порядка 82 % изменений зависимой переменной объясняется фактором GDPpercap (см. табл. 3).

Таблица 3

Влияние факторов на объясняемую переменную Y

	GDPpercap	GDPgrowth	Resource	Export	Import	FDIshare	workforce	competiveness	Corruption	others
Коэффициент корреляции с Y	0,84	-0,44	-0,74	0,78	0,78	-0,48	0,63	0,82	-0,35	-
Доля влияния в коэффициенте детерминации R ²	81,8 %	0,8 %	0,5 %	0,4 %	1,2 %	1,9 %	1,1 %	2,5 %	5,7 %	4,2 %

Источник: составлено автором с использованием пакета Gretl

Учитывая этот факт, а также то, что коэффициент корреляции между фактором Corruption и результирующей переменной статистически незначим и составляет всего -0,35 (см. табл. 3), была построена однофакторная регрессионная модель (3) зависимости притока китайских ПИИ от уровня среднедушевого ВВП.

$$\ln Y = -74 + 8 \ln \text{GDPpercap} \quad (3)$$

Таким образом, зависимость, описанная уравнением (3) может быть описана следующим образом: при повышении среднедушевого ВВП России по состоянию на 2017 г. на 15 % (до 28 421 долл.), ожидается двукратный прирост ПИИ из Китая (с 1,55 до 3,1 млрд долл.), при достижении ВВП на душу населения 30 000 долл., прямые китайские инвестиции увеличатся в три раза (до 4,78 млрд долл.) и т. д. Коэффициент при факторе GDPpercap является статистически значимым при заданном уровне вероятности 99 %.

Ряд тестов, аналогичных, тем, что были представлены в таблице 2, показал, что функциональная зависимость между Y и GDPpercap является значимой (R² = 81,75 %,

p-статистика критерия Фишера = $3,73e-06$), остатки распределены по нормальному закону, их дисперсия гомоскедастична, автокорреляция отсутствует, средняя ошибка аппроксимации составляет 6 %.

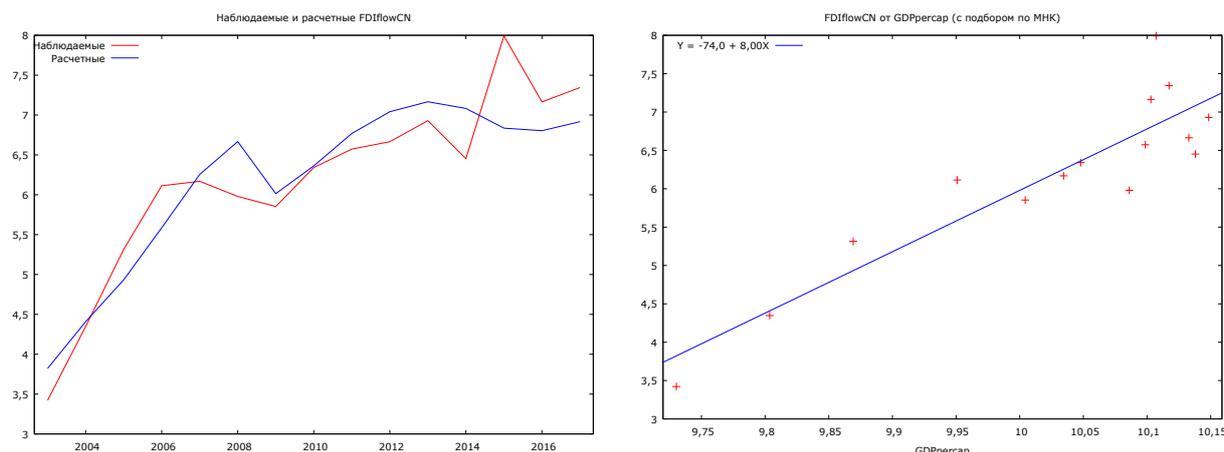

Рисунок 6. Наблюдаемые и расчетные значения объясняемой переменной (источник: составлено автором с использованием пакета Gretl)

На рис. 6 представлены наблюдаемые значения притока прямых иностранных инвестиций из Китая, а также их значения, рассчитанные по модели, представленной в уравнении (3). Как мы видим, за исключением критичных для мировой экономики и, в частности России, 2008 и 2015 гг., динамика ПИИ из Китая в значительной степени объясняется показателем ВВП на душу населения в России.

Выводы

В результате анализа 9 факторов влияния была обнаружена сильная положительная корреляционная связь между уровнем притока ПИИ из Китая и уровнем глобальной конкурентоспособности РФ (+82 %), показателями внешней торговли России и Китая (+78 %), а также существенная отрицательная связь с показателем удельного веса дохода от продажи природных ресурсов в ВВП (-74 %). По результатам исследования выявлено, что ВВП на душу населения является ключевым фактором, определяющим динамику притока ПИИ из Китая: изменение данного фактора объясняет порядка 82 % изменений зависимой переменной. Результаты проведенных тестов заставили нас отказаться от использования многофакторной регрессионной модели в пользу однофакторной. Таким образом, не подтвердилась гипотеза о доминировании фактора ресурсной зависимости экономики России в спектре интересов китайских инвесторов.

Анализ статистических данных отраслевого распределения прямых китайских инвестиций в экономике России в 2007–2017 гг., тем не менее, демонстрирует устойчивый рост присутствия китайского капитала в добывающих отраслях РФ. Учитывая результаты регрессионного анализа, мы можем заключить, что в российской экономике пока не существует достаточного количества весомых альтернатив, способных заинтересовать китайского инвестора, который в условиях «Новой нормальности» все более ориентируется на экономические факторы при выборе сферы приложения своего капитала.

В рамках данного исследования не были рассмотрены особые инструменты российско-китайского инвестиционного сотрудничества – территории опережающего развития (ТОР), свободный порт Владивосток (СПВ), особые экономические зоны (ОЭЗ), зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества (ЗТЭС) и т. д. Кроме того, имеет смысл учитывать

региональную специфику экономических субъектов, а также особенности приграничного сотрудничества России и Китая, что не входит в рамки настоящего, но предоставляет возможности для будущих исследований. Тем не менее, мы делаем вывод, что показатель ВВП на душу населения, опосредующий состояние национальной экономики в целом, является главным и системообразующим фактором, определяющим присутствие китайского капитала в России. Только в случае создания условий стабильного, прозрачного функционирования национальной экономической системы возможно вести дальнейшую работу по расширению арсенала инструментов привлечения прямых китайских инвестиций в экономику России, а также использованию возможностей китайского капитала в целях модернизации национальной экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова М.А. Инновационное развитие российской экономики: самостоятельный путь или кооперирование / М.А. Балашова, Ю.С. Попова // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 3. – DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).9.
2. Баженов О.В., Засухина Е.А. Эконометрический анализ факторов привлечения прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2017. – Т. 16. – № 1 (460). – С. 188–200.
3. Cai K.G. Outward foreign direct investment: A novel dimension of China's integration into the regional and global economy // *The China Quarterly*. – 1999. – Т. 160. – P. 856–880.
4. Hong E., Sun L. Overseas via Direct Investment: Internationalization Strategy of Chinese Corporations in a Comparative Prism // *SOAS, University of London* Wu, Friedrich and Yoeo Han Sia (2002), “China’s Rising Investment in Southeast Asia: Trends and Outlook”, *Journal of Asian Business*. – 2004.
5. Cheung Y.W., Qian X. Empirics of China's outward direct investment // *Pacific economic review*. – 2009. – Т. 14. – № 3. – P. 312–341.
6. Antkiewicz A., Whalley J. Recent Chinese buyout activity and the implications for wider global investment rules // *Canadian Public Policy*. – 2007. – Т. 33. – № 2. – P. 207–226.
7. Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. – 2004. – Т. 47. – № 3. – P. 8–16.
8. Cheng L.K., Ma Z. China's outward foreign direct investment // *China's growing role in world trade*. – University of Chicago Press, 2010. – P. 545–578.
9. Zhang X., Daly K. The determinants of China's outward foreign direct investment // *Emerging markets review*. – 2011. – Т. 12. – № 4. – P. 389–398.
10. Кузина Е.Ю., Троицкая О.А. Использование прямых иностранных инвестиций КНР в российской экономике // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2016. – Т. 2016. – № 10. – С. 114–119.
11. Чжан Ч., Юдина Т.Н. Производственное сотрудничество между Китаем и Россией: возможности и приоритеты (в контексте стратегического партнерства РФ и КНР, решений XIX съезда КПК) // *Теоретическая экономика*. – 2018. – № 2 (44). – С. 13–21.
12. Александрова М.В. Китайские инвестиции в России: отраслевой срез // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2017. – Т. 22. – № 22. – С. 219–242.

13. Строганов А. О. Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 358–362.
14. 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 304 с.
15. Макарова Г.Н. Усиление сотрудничества с КНР – фактор нарастания стратегических рисков России // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность. – 2016. – С. 131–143.
16. Лепа Т.П. Россия и Китай: таможенное и экономическое взаимодействие // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 164–172.
17. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между востоком России и северо-востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. – 2014. – № 2. – С. 149–176.
18. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы / под ред. В.Л. Ларина: Информационно-аналитический бюллетень института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – 2018. – №3 (251). – 30 с.
19. Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги, режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (10.04.2019).
20. Нестерова Д.В. и др. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы / Д.В. Нестерова // Экономика региона. – 2005. – № 4. – С. 57–70.
21. Решетова Я.М., Шилков Д.Е., Шорохова И.С. Актеры привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы: результаты экономического моделирования // Журнал экономической теории. – 2015. – № 1. – С. 173–176.
22. Жуков А.Н., Чукавина К.В. Особенности эмпирических исследований привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Российские регионы в фокусе перемен. – Ч. 2. – Екатеринбург. – 2018. – Т. 2. – № 12. – С. 708–716.
23. Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Горбунова М.Л. Взаимодействие Китая с российскими регионами в сфере прямых инвестиций и во внешней торговле // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – № 2. С. 16–21.
24. Новопашина А.Н. Прямые инвестиции из Китая в регионах России: субституты или комплименты внешней торговли? // Пространственная экономика. – 2012. – № 4. – С. 67–86.
25. Лузянин С.Г., Афонасьева А.В. Один пояс, один путь-политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–14.
26. Цвигун И.В., Балашова М.А., Суходолов Я.А. Углубление сотрудничества России с КНР путем создания российско-китайских кластеров // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность. – 2016. – С. 107–115.
27. Шалак А.В. Китайская мечта через концепцию «мягкой силы» // Известия Байкальского государственного университета. – 2015. – Т. 25. – № 3. – С. 564–568.

Sizykh Elena Yur'evna

Baikal state university, Irkutsk, Russia
E-mail: sizykheu@gmail.com

Chinese direct investment in Russia: dynamics, structure, influence factors

Abstract. Along with strengthening the status of global trading power, China has achieved significant success in capital export: since 2012, it has consistently retained the position of top three global investors, from 2015 has become a net exporter of foreign direct investments. Russia is considered to be one of the main economic partners of China. In 2017, it ranked the 15th place in the list of largest Chinese investment destinations, as well as held the position of the 10th largest recipient of Chinese cumulative direct investment under “One Belt, One Way” initiative. Following the increase flows of direct investment, the discussion on significance of Chinese capital presence in Russia has intensified. On the one hand, Chinese direct investment is perceived as an opportunity to modernize Russian economy, which now is extremely suffered from the west countries sanctions. From another point of view, they may threat national security due to some additional conditions imposed by Chinese partners. Regardless of what point of view is accepted, it is advisable to reveal the main factors that determine the dynamics and distribution of Chinese capital in Russia. Clear understanding of what motives induce Chinese investors, may improve the development of further policy measures, promote the attraction of foreign investment from China, as well as improve further control of Chinese presence in Russian economy. In this paper, on the base of official statistical data, we revealed that directions of sectoral distribution of China's direct investments in world as whole and in Russia are opposite. Based on calculated correlation coefficients and contribution to the total coefficient of determination, the influence of 9 possible factors on the total inflow of Chinese investments were estimated, the hypothesis about the dominant role of the resource factor in determining the interests of the Chinese investor in Russia is disproved. Finally, the author substantiated the conclusion that the GDP per capita factor prevails in determining the volumes of Chinese capital flows to Russia, the equation of their exponential relations has been calculated.

Keywords: foreign direct investment; overseas investment; capital export; China; Russia; influence factors; factor analysis